

Труду. — 1993. — 23 июня

«Замечаю, что на меня и мою книгу часто поглядывает искуса, но заговаривать не решается худощавый долгоносый вытянутый молодой человек, какой-то не по-лагерному воспитанный, даже робкий. Знакомимся и с ним. Он говорит тихим застенчивым голосом, русские слова подыскивает с трудом и делает уморительные ошибки, тут же искупаемые улыбкой. Выясняется, что он — венгр, зовут его Янош Рожаш. Показываю я ему словарь Даля, и он кивает выдохшим от лагерного изнурения лицом: «Да-да, нужно внимание отвлекать на посторонних вещей, не думать об одной еде». Ему только двадцать пять лет, но нет молодого румянца на его щеках; сухая тонкая кожа, проявляющаяся на ветрах, натянута как будто прямо на продолговатые узкие кости черепа. У него болят суставы, острый ревматизм, полученный на северном лесоповале».

Человек, о котором Александр Солженицын написал эти строки в своей книге «Архипелаг ГУЛАГ», живет сегодня в небольшом венгерском городке Надьканика, что в десяти километрах от югославской границы. Он — писатель, хотя и не профессиональный. В Венгрии стал известен благодаря опубликованным здесь воспоминаниям «Горькая молодость», до этого вышедшим на Западе. Недавно Янош Рожаш побывал в Москве. Тогда мне и удалось встретиться с ним.

— В ПЛЕН я попал во сне, — рассказывает Янош Рожаш. — Это случилось в 1944 году, вскоре после того, как я восемнадцатилетним был отправлен на фронт. Венгрия, как известно, воевала на стороне гитлеровской Германии. Всего через две недели подготовки я оказался на фронте. Однажды в лесу мы — полсотни ребят от 16 до 18 лет — оторвались от основной колонны. Наступила ночь, огляделись вокруг: никого из начальства нет. Решили лечь спать... Разбудили нас уже... советские. Всех взяли в плен. Сначала думали, что мы «гитлерюгенд». Потом начали разбираться. Этот момент, кстати, описан у Александра Исаевича.

«Следствие шло у Яноша так: следователь ни слова не понимал по-венгерски, а Янош — по-русски. Иногда приходили очень плохие переводчики, из гуцулов. Янош подписал 16 страниц протоколов, так и не поняв, о чем там. И так же, когда ему незнакомый офицер что-то прочитал с бумажки, он долго еще не понимал, что это был приговор ОСО». (А. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ. Том 3. М., Советский писатель — Новый мир, 1989. с. 123).

— Потом, — продолжает Янош Рожаш, — одна закарпатская старушка сказала: «Вы получили...» и показала обе руки с растопыренными пальцами. Таким образом я понял, что приговорен к десяти годам заключения, точнее — принудительных работ.

— В каких лагерях вы были? — Сначала на Украине — Николаев и Херсон, потом Урал. Затем послали на Север, на лесоповал, а оттуда — в Казахстан, строить в пустыне новый угольный город Экибастуз. Всего в лагерях я просидел девять лет, до декабря 1953 года.

— Почему же вас не отпустили, когда кончилась война?

— На первых порах мы тоже думали, кончится война, нам скажут: езжайте домой. Но этого не произошло. Каждый праздник, каждый день рождения Сталина освобождали бандиты и уголовники, а мы под амнистию не попадали.

— А где вы познакомились с Солженицыным?

— В экибастузском лагере. Три года мы жили и работали вместе. Он освободился в феврале 53-го, еще до смерти Сталина, а нам, заключенным-иностранцам, в том числе и венграм, только через три месяца после кончины вождя сообщили, что можем ехать домой. После того как мы прибыли во Львов, где был сборный пункт венгров, нам сообщили: мы невиновны, это была ошибка военного времени, теперь можем считать приговор недействительным... А Солженицыну я впервые написал письмо, когда вышел в свет его «Один день Ивана Денисовича». В 1974 году, когда Александра Исаевича выдворили из Союза, наша переписка прервалась и возобновилась лишь в 1989 году.

— Что вы можете сказать о Солженицыне лагерных лет? Отличался ли он от того Солжени-

цына, которого мы потом все узнали по его книгам?

— В лагере он был одним из самых интеллигентных, начитанных людей, его всегда можно было видеть с книгой в руках. Где Солженицын, там непременно велись очень интересные раз-

говоры. Кстати, он был бригадиром. Никто, разумеется, не знал, что Солженицын собирается стать писателем. Сходство того и нынешнего Солженицына, пожалуй, в том, что как тогда он был лично для меня учителем литературы, так и сейчас, хотя с тех пор мы не виделись.

«Янош был из тех, кого все меньше растет в нашем веке: кто в детстве не знал другой страсти, как только читать. С этой склонностью он остался и взрослым — и даже в лагере. И в северных лагерях, а теперь в Особом экибастузском он не пропускал случая доставать и читать новые книги. Во времени нашего знакомства уже знал и любил Пушкина, Некрасова, Гоголя, я ему толковал Грибоедова, но больше всех, едва ли не ближе Петефи и Араня, он полюбил Лермонтова, которого впервые прочел в ПЛЕНУ, недавно... Особенно слился Янош со Мцыри — таким же пламенным, таким же молодым и таким же обреченным». (А. Солженицын, там же, с. 124).

— Когда я прочитал «Один день Ивана Денисовича», — продолжает Янош Рожаш, — я всех узнал, кроме Шухова. Это — вымышленный образ...

— А разве Шухова он писал не с себя? Тогда, может быть, Шухов — это отчасти вы, ведь литературные критики в Венгрии не раз называли вас «венгерским Иваном Денисовичем»?

— Нет, и Солженицын, и я по возрасту и по другим качествам не подходим на роль этого человека. Когда меня называли «венгерским Иваном Денисовичем», то имели, наверное, в виду то, что взяты за перо Солженицына и меня побудил один и тот же опыт, одна и та же колоссальная потребность рассказать правду о сотнях и тысячах заключенных в различных лагерях, тюрьмах, пересылках. Я подсчитал: мои воспоминания вобрали в себя 444 судьбы русских, украинцев, белорусов, казахов, армян, немцев Поволжья, других товарищей по несчастью и 167 судеб моих соотечественников. Еще в начале 1945 года я решил: если окажусь на свободе, обязательно напишу о пережитом...

— Скажите, что для вас лично было самым тяжелым и страшным в лагере?

— Все забылось — и холод.

и лишения, и голод. Вы знаете, за первые восемь дней в лагере я похудел на десять килограммов. Но это — не главное. Одного я не могу забыть: за девять лет я ни разу не мог написать письма своим родителям и не мог от них получить весточку. Когда однажды узнал, что письмо моих родителей арестовано, чуть сердце не разорвалось. Это было высшей мерой наказания для меня.

— У вас сохранились какие-нибудь лагерные привычки?

— В один из первых дней в родительском доме я удивил маму тем, что выплескивал воду из кружки на пол. Дело в том, что в деревянных бараках, где жили, таким образом мы постоянно спасались от блох. И еще. Знаете, как я до сих пор ем суп? Сначала мясо, потом картошку, а уж после этого — жижу. Во время обеда всякое могло случиться: могли погнать на работу или еще куда...

Впрочем, к лагерному опыту можно отнести в какой-то мере и привычку много читать, изучать иностранные языки. ГУЛАГи

писать книгу воспоминаний. Два года писал, но очень долго никому не показывал. А вообще-то я работал бухгалтером. Женился, у меня двое сыновей и дочь. После упразднения районных советов поступил на Канижскую мебельную фабрику руководителем финансовой группы, одновременно исполнял обязанности технического переводчика с немецким и русским языками. Сейчас — на пенсии по инвалидности.

— Как и когда вас полностью реабилитировали?

— В 1958 году выяснилось, что заявление о реабилитации, сделанное во Львове, не имело под собой оснований. Вернувшись домой, все венгры получили свидетельство с негативной пометкой. На мою жалобу в январе 1961 года генеральный военный прокурор ответил: «Ваша деятельность не подпадает под помилование. Вы не реабилитированы, а лишь досрочно освобождены из мест заключения». В 1962 году я направил новое заявление в Москву, теперь уже в Верховный суд СССР. Мне от-

ЛАГЕРНЫЙ ДРУГ СОЛЖЕНИЦЫНА

Несмотря на тяжкие испытания и унижения в ГУЛАГе,

венгр Янош Рожаш навсегда полюбил Россию

были международными: и эстонцы, и чехи, и венгры должны были говорить по-русски. До лагеря я уже хорошо говорил по-немецки, знал немного эсперанто и итальянский. И русский выучил быстро: уже через год говорил и читал. Помню, я как-то записался в лагерьной библиотеке на «Тихий Дон» Шолохова, а как только подошла моя очередь — книгу запретили и изъяли. Случилось это в 1948 году, о чем сейчас в России мало кто помнит. Интересно, что в Венгрии «Тихий Дон» никогда не запрещался...

— О годах своего рабства вы рассказываете с какой-то теплотой, даже ностальгией. Какие чувства вы испытываете к тем, кто держал вас в плену?

— У меня нет ненависти. Не русских мы боялись, а советских, точнее — большевиков. У нас в Венгрии в 1919 году была большевистская республика, и большевики, так же как и у вас, оставили о себе недобрую память. О простых ваших людях ничего не могу сказать плохого. В лагерях я несколько раз болел, и меня спасали русские врачи и медсестры. Я очень благодарен русской женщине, медсестре Дусе. Она для меня — вторая мать. Я, кстати, говорил о ней тогда Солженицыну, а позже и рассказ написал, который так и называется — «Сестра Дуся».

— Как сложилась ваша судьба после освобождения?

— Когда я вернулся домой, первым делом выпался как следует и уже на второй день стал

ветили, что обвинительные документы наконец пересмотрены, приговор отменен, и за отсутствием преступления дело было прекращено. То есть меня реабилитировали, но все просьбы относительно возмещения нанесенного ущерба были отклонены.

— Вы сказали, что до сих пор поддерживаете переписку с Солженицыным. Не могли бы приоткрыть «тайну»: о чем там?

— Два года назад он прислал для моей книги воспоминаний «Горькая молодость» посвящение, которое вынесено на обложку: «Александр Солженицын поздравляет своего лагерного друга Яноша Рожаша с выходом его книги на его родине». Совсем недавно я написал ему, что в нашем областном городе Залаегерсеге поставили его пьесу «Олень и шалашовка». Я был консультантом этого спектакля...

— Проявляли ли к вашей книге интерес наши издательства?

— В 1974 году, после того как из Союза выдворили Солженицына, ко мне в Венгрию приезжали люди из издательства АПН. Просили написать мемуары для советских читателей. Я сказал: «Вот рукопись». Но им, видимо, были нужны другие воспоминания, и мы так и не поняли друг друга. Может быть, сейчас кто-то в России заинтересуется моей хроникой. По сути дела вся книга уже переведена на русский энтузиастами-переводчиками.

— А пишете ли вы сейчас что-то?

— К сожалению, некогда. Я веду большую исследовательскую работу для государственного архива: ищу тех людей, которые были в советских тюрьмах и лагерях. Всего, начиная с 1944 года, по моим данным, осуждено около 100 тысяч венгров. Правда, историк Рой Медведев утверждает, что их было 150 тысяч. Но так или иначе три с половиной тысячи человек вернулись на родину и сегодня почти 700 из них — живы. Это я знаю точно, потому что переписываюсь буквально со всеми.

Беседу вел Александр ЕРАСТОВ.